

торыхъ онъ воспитанъ, лишене которыхъ было-бы для него мученіемъ, всё онъ можетъ удовлетвориться только мучительнымъ, часто губительнымъ трудомъ угнетенныхъ рабочихъ, т. е. самымъ свевиднымъ, грубымъ нарушеніемъ тѣхъ принциповъ христіанства, гуманности, справедливости, даже научности (я разумно требованія политической экономіи), которые онъ исповѣдуетъ. Онъ исповѣдуетъ принципы братства, гуманности, справедливости, научности и не только живетъ такъ, что ему необходимо то угнетене рабочихъ, которое онъ отрицаетъ, но такъ, что вся жизнь его есть пользованіе этимъ угнетеніемъ, и не только живетъ такъ, но и направляетъ свою дѣятельность на поддержаніе этого порядка вещей, прямо прогивоположнаго всему тому, во что онъ вѣритъ.

Мы всё братья, а между тѣмъ каждое утро братъ или сестра выносятъ мой горшокъ. Мы всё братья, а мнѣ утромъ необходима сигара, сахаръ, зеркало и т. п. предметы, на работѣ которыхъ теряли и теряютъ здоровье мои, равные мнѣ, братья и сестры, а я пользуюсь этими предметами и даже требую ихъ. Мы всё братья, а я живу тѣмъ, что работаю въ банкѣ, или въ торговомъ домѣ и лавкѣ надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать всё нужные момѣ братьямъ товары дороже. Мы всё братья, а я живу тѣмъ, что получаю жалованье за то, чтобы уличать, судить и казнить вора или проститутку, существованіе которыхъ обусловлено всѣмъ складомъ моей жизни и которыхъ я самъ знаю, что надо не казнить, а исправлять. Мы всё братья, но я живу тѣмъ, что получаю жалованье за собраніе подачекъ съ бѣдныхъ рабочихъ для уюгребленія ихъ на роскошь праздныхъ и богатыхъ. Мы всё братья, а я получаю жалованье за то, чтобы проповѣдовать людямъ мимо христіанскую вѣру, въ которую я самъ не вѣрю, лишашую ихъ возможность узнать истинную. Я получаю жалованье, какъ священникъ, епископъ, за то, что обманываю людей въ самомъ важномъ для нихъ дѣлѣ. Мы всё братья, но я отдаю бѣднымъ свои педагогическіе, врачевныя, литературныя труды только за деньги. Мы всё братья, а я получаю жалованье за то, что готовлюсь къ убійству, учусь убивать, или дѣлаю оружіе, порохъ, крѣпости.

Вся жизнь нашихъ высшихъ классовъ есть сплошное противорѣчіе, тѣмъ болѣе мучительное, чѣмъ чутче нравственное сознание человѣка.

Человѣкъ съ чуткой совѣстью не можетъ не страдать, если онъ живетъ этой жизнью. Одно средство для него избавиться отъ этого страданія — въ томъ, чтобы заглушить свою совѣсть, но если и дается такимъ людямъ заглушить совѣсть, они не могутъ заглушить страхъ.

Нечуткіе и заглушившіе совѣсть люди

высшихъ угнетающихъ классовъ, если не сгладятъ совѣстью, страдаютъ страхомъ и ненавистью. И имъ нельзя не страдать. Они знаютъ про ту ненависть противъ нихъ, которая живетъ и не можетъ не жить въ рабочихъ классахъ, — знаютъ, что рабочіе знаютъ, что они обмануты и изнасилованы, и начинаютъ организовываться, чтобы скинуть съ себя угнетеніе и отплатить угнетателямъ. Высшіе классы видятъ союзы, стачки, 1-е мая и чуютъ ту бѣду, которая угрожаетъ имъ, и страхъ этого отравляетъ имъ жизнь. Они чуютъ ту бѣду, которая угрожаетъ имъ, и страхъ, который они испытываютъ, переходитъ въ чувство самозащиты и въ ненависть. Они знаютъ, что если на минуту ослабнуть въ борьбѣ съ угнетаемымъ ими рабами, то сами погибнутъ, потому что рабы озлоблены, и озлобленіе это растетъ съ каждымъ днемъ угнетенія. Угнетающіе, если-бы они и желали этого, не могутъ перестать угнетать. Они знаютъ, что сами погибнутъ, какъ скоро не только перестанутъ, но ослабнутъ въ угнетеніи. Они и дѣлаютъ это, не смотря на мнимыя заботы о благоденствіи рабочаго, о 8-ми часовомъ днѣ, о запрещеніи работъ малолѣтнимъ и женщинамъ, о пенсіяхъ и вознагражденіяхъ. Все это обманъ или забота о томъ, чтобы рабъ былъ въ силахъ работать; но рабъ остается рабомъ, и господинъ, не могущій жить безъ раба, меньше чѣмъ когда-нибудь, готовъ освободить его.

Правящіе классы по отношенію рабочихъ находятся въ положеніи подымающаго подъ себя противника и держащаго, не выпускающаго не столько потому, что онъ не хочетъ выпустить его, сколько потому, что онъ знаетъ, что стоитъ ему выпустить на мгновеніе подмятаго, чтобы самому быть сейчасъ же зарѣзаннымъ, потому что подмятій озлобленъ и въ рукѣ его ножъ. И потому, будутъ ли они чутки или не чутки, наши богатые классы не могутъ наслаждаться тѣми благами, которыхъ они похитили у бѣдныхъ, какъ это дѣлали древніе, вѣровавшие въ свое право. Вся жизнь и всё наслажденія ихъ отравлены укорами совѣсти или страхомъ.

Таково противорѣчіе экономическое. Еще поразительнѣе противорѣчіе государственное.

Всѣ люди прежде всего воспитываются въ привычкахъ повиновенія государственнымъ законамъ. Вся жизнь людей нашего времени опредѣлена государственнымъ закономъ. Человѣкъ женится и разводитъ, воспитываетъ дѣтей, даже исповѣдуетъ вѣру (во многихъ государствахъ) сообразно закону. Что же такое этотъ законъ, опредѣляющій всю жизнь людей? Вѣрятъ ли люди въ этотъ законъ? Считаютъ ли его истиннымъ? Нисколько. Въ большинствѣ случаевъ люди нашего времени не вѣрятъ въ справедливость этого закона,